

ВЕСТНИК ИЗ ГЛУБИНЫ ВРЕМЕН

I

Жил я тогда в Риме, посвятив свой досуг изучению этого города пап и цезарей, неустанно роюсь в пыли воспоминаний, покрывающей вековыми слоями этот прославленный уголок земли. Суровая красота республиканского Рима, пурпурная пышность Рима императоров, непостижимое искусство Микеланджело и Рафаэля что ни день возбуждали во мне новый энтузиазм. Я дошел до того, что не мог уже представить, как можно жить с иными ощущениями в стране, где двадцатый век тщетно пытается заслонить от нас великое прошлое.

Единственно, что заставляло меня возвращаться к действительности, были новые издания, которые я ежеме-

сячно получал от моего парижского книгопродавца.

Охотнее всего я выбирал для чтения какую-нибудь тенистую аллею Пинчио, а особенно Палатин, этот *Roma quadrata* первых цезарей, увенчанный руинами императорских дворцов. Я располагался там в уединении среди кипарисов и красных роз, наполняющих благоуханием сады Фарнезе.

Вскоре я заметил, что, кроме меня, еще один человек постоянно посещает те же места. Это был старик с лицом ученого, который ежедневно поднимался на холм, тяжело опираясь на палку, и просиживал часами на одной из разбитых колонн, оставшихся от терм Ливии. Встречаясь почти каждый день, мы стали обмениваться поклонами.

Грустный вид моего ком-

Автор публикуемого рассказа — французский писатель Октав Бельяр был в свое время довольно известен. В 1909 году он выпустил книгу фантастических новелл «Рассказы болтливого доктора», куда и вошел «Вестник из глубины времени», появившийся в 1910 году на русском языке в журнале «Мир приключений».

С тех пор как Герберт Уэллс написал свой роман «Машина времени», путешествия в прошлое и будущее заполнили мировую фантастику. Особенно посчастливилось так называемым хроноклазам (нарушения, связанные с перемещением во времени), благодаря которым путешественники в прошлое могут «подменять» известных исторических личностей, «организовывать» известные события, «улучшить» или «ухудшить» историю. Но в начале века, когда был опубликован рассказ О. Бельяра, рационалистическое истолкование мифологических сюжетов средствами научной фантастики было такой же ошеломительной находкой, как и неожиданные возможности, открытые «Машиной времени» Уэллса. И не-

даром этот роман служит О. Бельяру как бы трамплином для развития действия. Отталкиваясь от гениальной задумки английского романиста (гениальной называет ее сам О. Бельяр), он идет дальше, перенося героя в определенную историческую эпоху и едва ли не первым в фантастической литературе использует хроноклазм.

Вполне понятно, почему «Вестник из глубины времени» еще в детстве произвел такое впечатление на известного советского писателя Юрия Олешу, что запомнился ему на всю жизнь. Впоследствии заметки об этом рассказе вошли в его книгу «Ни дня без строчки», правда, без имени автора и названия произведения.

Развивая тему Уэллса, Октав Бельяр опередил свое время. Вот почему «Вестник из глубины времени» в наши дни не кажется архаичным, хотя и не может произвести особенно сильного впечатления на фоне современной фантастики. В нем есть еще и то главное, что подметил здесь Юрий Олеша: драматизм ситуации и неподдельная человечность. Заметка Ю. Олеши и привела меня к поискам забытого рассказа, который публикуется сегодня в исправленном и заново отредактированном переводе.

ЕВГ. БРАНДИС

паньона, горькая улыбка на его губах, странная неподвижность взгляда выдавали затаенное горе.

Без сомнения, не любовь к древностям и не поиски эстетических наслаждений

приводили его к этим руинам. Тело и душа его были одинаково надломлены. Он сам казался развалиной, которую по закону избирательного сродства притягивают к себе развалины. Обычно он

оставался там до самого вечера, машинально играя своей палкой.

Заинтересовавшись этим стариком, я воспользовался первым удобным случаем завязать с ним знакомство. Не скажу, чтобы наши разговоры были очень оживленны. Синьор Баццоли, так звали старика, не отличался многословием; он никогда не говорил о себе; и если разговор все же поддерживался, то исключительно благодаря моей юношеской восторженности. Однако по некоторым замечаниям, выдававшим необыкновенную эрудицию, я разгадал в нем человека большого ума.

II

В то утро только я успел пожать ему руку, как был озадачен его странным поступком: Баццоли грубо и резко вырвал у меня книгу, заглавие которой бросилось ему в глаза, и потом лишь спросил, охваченный непонятным волнением:

— Вы дадите мне ее прочесть?

Это был роман Герберта Уэллса «Машина времени».

Я взглянул на Баццоли. От лица его отхлынула кровь, пальцы дрожали.

— Охотно, — ответил я.

Присев на колонну, он с жадностью перелистал несколько десятков страниц. Затем его любопытство стало заметно угасать.

— Да, — сказал он необычным голосом, возвращая мне книгу. — Это чистая фантазия. Но все-таки, какое совпадение!..

И он задумался, склонив седую голову на руки. Можно было предположить, что чтение растревожило старую рану, пробудило печальные воспоминания... Я сам только что успел прочесть этот фантастический роман с научной подоплекой и не нашел в нем ничего волнующего. Точно так же я не видел причин для волнения синьора Баццоли.

— Что с вами, сударь? — воскликнул я. — Скажите мне, что случилось? Хоть это и гениальная выдумка, но не могла же она вас так взбудоражить! Предположение, что время есть четвертое измерение пространства и что с помощью особой машины можно путешествовать по времени: присутствовать, например, при крещении Хлодвига или при последних часах нашей планеты, — это фантазия, и только...

Видно было, что старик колеблется. Затем под влиянием охвативших его чувств он решился, наконец, на откровенность.

— Воображение иногда дает возможность предсказывать, — сказал он. — Гипотеза Уэллса не фантазия, «Машина времени» была действительно построена.

— Что! Кем?

— Мною!

— Вами? Но это же абсурд... Простите меня! Выходит, что вы изобрели способ перемещаться во времени, как по обыкновенной дороге?

— Вам это кажется нелепостью, но это правда... к несчастью для меня. Вот уже сорок лет как машина изобретена.

Я с сожалением смотрел на своего собеседника.

— Нет, — резко сказал он, — я не сумасшедший, хотя тут и не трудно дойти до сумасшествия. Если в этом романе есть верная мысль, почему же вы находите странным, что я мог ее осуществить? А если это только сплошной абсурд, то почему же вы называете автора гениальным?

— Романист — фантазер, который вовсе не обязан держаться в границах возможного.

— И вы думаете, что

мысль, постижимая для нашего разума, не может быть воплощена в жизнь? Нет, тысячу раз нет! Постигнуть идею — значит доказать, что она не абсурдна, а тем самым, что между идеей и ее осуществлением нет ничего, кроме практических затруднений. Эти затруднения мне были известны; и каковы бы они ни были, я справился с ними и достиг успеха... на свое несчастье! — горько прибавил старик, снова впадая в меланхолию.

Меня изумил его решительный тон. С кем же, наконец, я имел дело? На какое несчастье он намекал?

Спросить его об этом я не решился.

Но он сам, чувствуя себя связанным своей полуоткро-

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

венностью, пригласил меня к себе. Жил он в невзрачном доме в нескольких шагах от Форума. По знаку Баццоли я спустился за ним в глубокий сводчатый подвал, по-видимому, древней кладки, который он превратил в свою лабораторию. Об этом можно было судить по рядам полок, прогнувшихся под тяжестью книг, по всевозможным инструментам, сосудам и причудливым приборам, разбросанным в хаотическом беспорядке. Масса паутины, неприятный запах плесени позволили заключить, что уже много лет эта комната покинута и работы ученого прерваны.

— У меня такое чувство, будто я спустился в могилу! — пробормотал я.

— Это и есть могила, — медленно произнес старик. — Здесь два трупа...

Непроизвольно я отпрянул к двери, но Баццоли удержал меня.

— Два трупа, — повторил он. — Но так как все здесь необыкновенно, то и они невидимы. Вот! — И он показал мне пустое место посреди подвала. — Вот куда я поставил машину. Она, по всей вероятности, еще здесь. В этом пространстве, но не в нашем времени. А с нею и оба моих бедных мальчика...

Старик опустился на коле-

ни и поцеловал землю. В этой безмолвной скорби я угадывал ужасную драму.

— Если хотите посмотреть, вот чертеж моей проклятой машины, — сказал он, указывая пальцем.

Я увидел на стене рамку с каким-то сложным чертежом, в котором, однако, ничего не понял. Мне казалось, что я различаю нечто вроде кузова без колес, с неясными обводами, на каком-то странном, неопределенном основании.

— У меня было два сына-близнеца двенадцати лет... Мать умерла... Умерла от горя и тоски, потому что наука — безжалостная, безраздельная владычица — заставила меня забыть ради нее обо всем на свете, забыть обязанности, связанные с семьей. Все мои помыслы были сосредоточены на машине, которую я тогда изобретал, и ни для чего другого в голове моей места не оставалось. Никто не занимался воспитанием моих детей, которые в двенадцать лет едва умели читать и писать. Похоронив мою бедную жену, я жил один в глубине этого подвала, упорно работая над проблемой передвижения во времени. И вот, наконец, настал день, когда задача была решена. Этот горн, эти инструменты и препараты помогли мне построить орудие моей пытки;

и, когда машина была кончена, я не мог на нее нарадоваться. Ах, молодой человек, бог не прощает тех, кто переделывает его законы! В испуге я бегал по улицам города, чувствуя себя величайшим в мире гением, большим, нежели сам Цезарь или Христофор Колумб. Властелин времени, я изобрел вечность... Вечером, вернувшись домой, я вдруг открыл в своем сердце неведомый мне прежде уголок: отеческие чувства. Я спросил о детях.

Ответ служанки заставил меня содрогнуться: «Они спустились в лабораторию!»

Задыхаясь от ужаса, я опрометью сбежал по лестнице. Опыленный своим грандиозным успехом, я оставил полуоткрытой эту дверь, которую всегда тщательно запираю. И когда я очутился в лаборатории, машины там не было...

— А... дети?..

— Исчезли вместе с ней. Несомненно, они уселись на сиденье и неосторожным движением пустили в ход механизмы!

Губы старика побелели, и я должен был поддержать его. Мысль о безумии подтверждалась. Очевидно, машина существовала только в воображении несчастного отца, раскусодок которого был потрясен одновременной смертью детей,

происшедшей неожиданно, но при естественных обстоятельствах. Мыслимо ли, чтоб здесь, в этом пустом пространстве, была какая-то повозка, способная путешествовать во времени?

— Я вижу, вы мне не верите, — продолжал Баццолли. — Повторяю: мои дети исчезли вместе с машиной. В этом подвале только один вход. Нет никакой возможности выйти отсюда другим путем. История исчезновения моих сыновей наделала много шума. Меня привыкли считать чудачком, занятым какими-то странными опытами. И так как я избегал общества, вокруг моего имени создавались легенды. Ничего нет удивительного, что молва осудила меня как убийцу своих детей, и я был арестован.

Мой необыкновенный процесс сделался сенсационным. Я плакал перед судьями, ничего от них не утаивая, но, конечно, мне не поверили. И так как не удавалось найти вещественных следов злодеяния, а мой фантастический рассказ, по мнению профанов, мог только подтвердить душевное расстройство, меня перевели из тюрьмы в дом умалишенных. Там мой рассудок подвергся жестокому испытанию; и если я его выдержал, то только благодаря моей энергии. Я знал, что

смогу вернуться в свой дом, к невидимой могиле моих сыновей только одним способом — если притворюсь, что ничего не помню, если внушу моим тюремщикам, что избавился от навязчивых идей. Тогда меня признают здоровым и выпустят на свободу. Так и случилось. Меня вернули к моему уединенному очагу, где я и живу с тех пор в мире с мертвыми...

Этот рассказ — увы! — не рассеял моих сомнений. Перед мной был случай неизлечимого помешательства. Борьба с безумием? Убеждать душевнобольного? Это было выше моих сил. Я попытался лишь облегчить своим участием последние дни несчастного.

— Вам нельзя не верить, — сказал я. — Но откуда вы знаете, что ваши дети умерли?

— Жестокая шутка! Какая же иная участь ждала моих сыновей, унесенных машиной через века и тысячелетия?

— Будем рассуждать здраво. Двенадцатилетние мальчики нечаянно пустили машину в ход. Легко вообразить их ужас и удивление; они видели, как вокруг них все изменилось, стены рушились, поля и леса сменили крохотную четырехугольную лабораторию отца. Допустим, что они пронеслись таким образом через целые века. Но ведь

они были далеко не младенцами, чтобы не попытаться искать средства спасения. Трогая то один, то другой рычаг, рано или поздно они должны были натолкнуться на тормоз. Машина остановилась — и теперь они, наверно, ждут в какой-нибудь неизвестной нам эпохе, и надо признать вполне возможным...

— Что я смогу присоединиться к ним?

— Безусловно! Ведь у вас сохранились чертежи!

— Вздорная мысль! Вы хотите, чтобы я по прошествии сорока лет искал своих сыновей, потерянных в пространстве, пусть даже и ограниченном пределами земного шара? Что же тогда говорить о неизмеримой бездне времени, которую надо было бы обыскать год за годом, день за днем, начиная от эпохи зарождения жизни и кончая ее гибелью? Нет, даже соглашаясь с вашими утешительными доводами, признавая даже, что оба юных путешественника во времени счастливо остановились в пути, не встретив какого-нибудь смертельного препятствия; предполагая затем, что их пощадили болезни, резкая перемена условий существования, к которым они не были приспособлены; допуская, наконец, что люди или хищные звери не помешали им вырасти и стать мужчинами, —

все-таки они для меня навсегда потеряны!..

Баццоли снова упал на колени.

Есть нечто еще более ужасное, чем бред сумасшедшего, — это помешательство при полном сознании...

III

И все же, как мне показалось, я пробудил надежду в душе несчастного отца.

С этой мыслью я уехал из Рима во Францию, куда меня призывала моя семья.

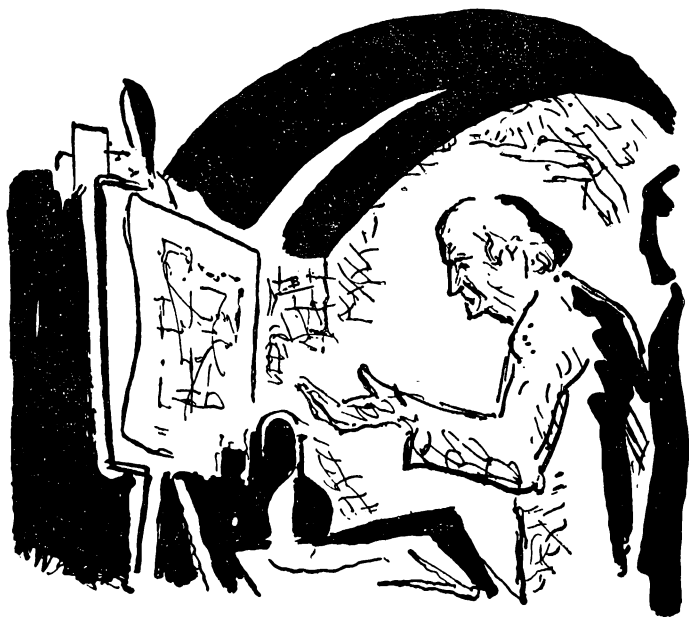
Через несколько месяцев я снова был уже в Риме и первым своим долгом счел навестить Баццоли.

Я оставил его в таком со-

стоянии, что приготовился к самому худшему. Но он был еще жив, что, впрочем, едва ли было лучше. Зимой он перенес тяжелую болезнь, едва не сведшую его в могилу. Не в силах подняться с постели, он велел перенести себя вместе со своим ложем в лабораторию, которую с тех пор не покидал.

— Вы понимаете, — сказал он, узнав меня, — я не хочу умереть, не увидев еще раз своих сыновей. Я буду ждать их до последней минуты. Но... они опаздывают...

Изможденный, с запавшими глазами, тяжелым и хриплым дыханием, он доживал, казалось, последние дни. Одна

лишь безумная надежда под-держивала еще умирающего.

— Как ваши работы?

— Посмотрите, — ответил старик.

В центре подвала была установлена согнутая в виде подковы полоса из какого-то твердого сплава, соединенная проводами с целой системой катушек и магнитов. Считая своих сыновей заблудившимися во времени, он воображал, что изобрел средство остановить их на пути.

— Вы уверены, что вам это удастся?

— Опыт пока еще не подтвердил моих вычислений, но мне кажется, они безошибочны. Машина, двигаясь с умеренной скоростью по времени, должна, встретив препятствие, остановиться без резкого толчка, постепенно замедляя ход. Ведь мой аппарат вовсе не притягивает сразу, как вы могли предположить. Я сконструировал своего рода тормоз, являющийся источником ретропульсивной силы. Если машина войдет в сферу влияния аппарата, то при постепенном замедлении хода можно будет заметить путешественников за несколько мгновений до остановки...

С этими словами, закашлявшись, Баццоли упал на подушку. Припадок продолжался довольно долго; наконец дыхание восстановилось,

но кашель довел его до полного изнеможения.

— Это безумие! — вскричал я. — Такому больному, как вы, нельзя оставаться в сыром подвале, без свежего воздуха.

— Да, я и сам чувствую, что убиваю себя, — пробормотал он. — Но мне необходимо быть здесь... на посту. Там, наверху, у меня не хватит выдержки. Ведь я увижу их, может быть, только одно мгновение... перед смертью.

— Вот что, — ответил я. — Мое пребывание в Риме ничем не ограничено, а ваша библиотека достаточно богата. Я готов остаться здесь сторожить вместо вас.

Я предложил эту жертву в минуту острого сострадания, и, прежде чем успел одуматься, старик с благодарностью схватил мою руку.

— Вы действительно готовы мне помочь?

Я кивнул головой. В конце концов мне придется подежурить всего несколько дней: смерть к нему приближалась...

Мы условились с Баццоли, что он перейдет в верхнюю комнату, а в мое распоряжение оставит лабораторию.

Я постарался устроиться как можно лучше. В библиотеке ученого оказалось много редких книг, которые хотя и пострадали от сырости, но не стали от этого менее инте-

ресными. Читал я с таким упоением, что испуганно вздрагивал, когда служанка Баццоли по приказанию своего хозяина раз десять на день стучалась в дверь, спрашивая, не произошло ли чего-нибудь и нет ли у меня новостей.

IV

Нет, ничего не происходило. И однако же одиночество, чтение старинных книг, безмолвие этого склепа, тени, которые отбрасывала лампа во время моего ночного бодрствования, довели меня до того, что я стал поддаваться навязчивым идеям Баццоли. Я смотрел на странный аппарат и начал привыкать к мысли, что с минуты на минуту там действительно кто-нибудь покажется.

Однажды вечером, на десятый день моего добровольного заточения, я декламировал вслух стихи Данте:

Едва ко мне вернулся
ясный разум,
Который был не в силах
устоять
Пред горестным виденьем
и рассказом, —
Уже среди новых попыток
я опять...¹

¹ Данте, Ад, песнь шестая. Перевод М. Лозинского.

Читая стихи, я неотступно глядел на тревожившую мое воображение металлическую конструкцию, в которой ничего не мог усмотреть, кроме хаотического сцепления деталей. И вдруг... Я оторопел. И сейчас меня бросает в дрожь при одном воспоминании о пережитом. Я видел перед собой как бы бледную тень человеческой фигуры, призрачную и бестелесную. Я призвал на помощь все свое самообладание при виде этого призрака, вызванного страхом. Но, несмотря на все мои усилия, видение не исчезало. Оно делалось все определеннее и приняло наконец форму тела; я успел уже различить вооруженного воина в шлеме, как вдруг под сводами подвала раздался страшный удар, затем дикий крик, посыпались молнии, полетели осколки, один из которых ударил меня в грудь, а другой разбил и потушил лампу. Я очутился на полу, оглушенный, в непроглядной темноте склепа...

Несколько минут я не смел двинуться, дрожа от страха, покрываясь холодным потом.

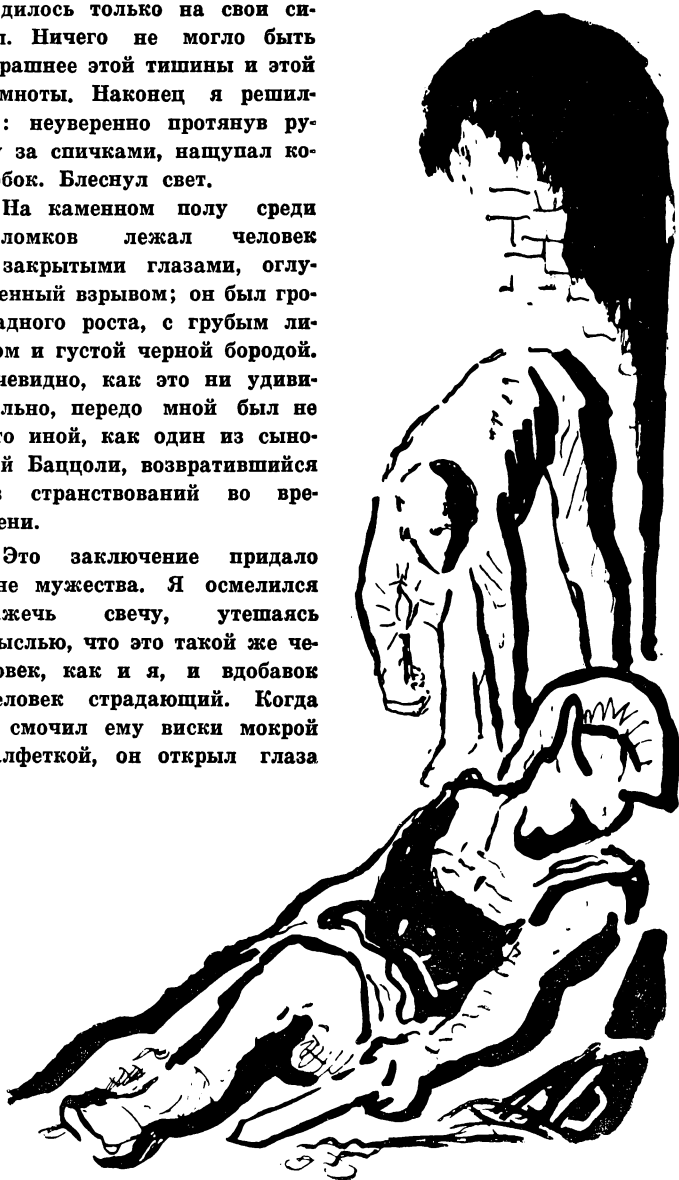
Потом я прислушался. В тишине можно было явственно различить два дыхания — мое и что-то другое, оба частые и прерывистые... Это могло свести с ума...

Толстые стены подземелья не доносили никаких звуков

извне. Звать на помощь было бесполезно. Рассчитывать приходилось только на свои силы. Ничего не могло быть страшнее этой тишины и этой темноты. Наконец я решился: неуверенно протянув руку за спичками, нащупал коробок. Блеснул свет.

На каменном полу среди обломков лежал человек с закрытыми глазами, оглушенный взрывом; он был громадного роста, с грубым лицом и густой черной бородой. Очевидно, как это ни удивительно, передо мной был не кто иной, как один из сыновей Баццоли, возвратившийся из странствований во времени.

Это заключение придало мне мужества. Я осмелился зажечь свечу, утешаясь мыслью, что это такой же человек, как и я, и вдобавок человек страдающий. Когда я смочил ему виски мокрой салфеткой, он открыл глаза

и произнес несколько слов на непонятном языке, в котором я уловил неопределенное сходство с итальянским.

— Кто вы? — спросил я, осмелев.

Он посмотрел на меня с удивлением. Потом повторил те же слова, недоверчиво озираясь по сторонам и с таким напряженным видом, будто мучительно старался что-то вспомнить.

— А! А!.. — сказал он вдруг, просветлев. — Рома... Рома... — Остальное нельзя было разобрать.

Что это — имя? Имя города или его собственное? Баццоли, насколько я помню, не называл мне имен своих сыновей. И тут меня осенило: ведь на полке в библиотеке я видел старые детские книги — грамматику и арифметику.

Я схватил одну из них. На заглавном листе было имя владельца, выведенное рукой ребенка. Я громко произнес:

— Р о м у а л ь д о Б а ц ц о л и !

Человек улыбнулся, кивнул головой, потом снова закрыл глаза.

Панцирь, сделанный из медных пластинок и ослабивший удар при падении, согнулся на груди воина. Кое-как я расшнуровал его, разрезав кожаные связки и ремни. Ромуальдо истинно помогать мне. Освобожденное от панциря мускулистое те-

ло гиганта казалось онемевшим, но никаких физических повреждений, кроме сильных ушибов, не было заметно. Я помог незнакомцу приподняться и с трудом дотащил его до постели.

Устав от напряжения, я не стал приводить в порядок лабораторию, усеянную битым стеклом и обломками изогнутого металла. Здесь лежала и разбитая «машина времени» — бесформенный, почти распавшийся остов какого-то странного подобия экипажа.

Факт был налицо — ошеломительный, вопреки всяким рассуждениям открывающий изумленному взору головокружительные перспективы... Человек сумел вырваться из своей эпохи! Теперь он сможет перенестись во мглу грядущего или в далекое прошлое, едва освещенное зыбким светом истории.

Из тьмы веков вернулся вестник, который приподнимет завесу, скрывающую от нас будущее и прошедшее. Потом другие, без сомнения, последуют его примеру и будут странствовать по неведомым путям времени! Отныне нет более ни прошлого, ни будущего. Похитив у бога настоящее, человек сможет теперь перейти из времени в вечность!..

Так закончилась эта памятная ночь.

Беспредельные мечты уно-

сили меня из подземной лаборатории в туманные дали Неизведанного. Задыхаясь под тесными сводами, я с облегчением увидел через замочную скважину розовеющую зарю нового дня как раз в ту минуту, когда угасла догоревшая свеча.

Следовало предупредить отца. Убедившись, что Ромуальдо все еще спит, я тихонько вышел, заперев за собой дверь на ключ, и поднялся в комнату Баццоли. При моем появлении он оторвал голову от подушек и стал засыпать меня вопросами:

— Есть что-нибудь новое?.. Говорите, говорите!.. Они здесь?..

— Нет, нет! Успокойтесь! Я вышел подышать свежим воздухом. Там можно задохнуться.

— Нет, нет! Вы меня не обманете. Ваш костюм в беспорядке, даже разорван... Скажите мне всю правду! Они там, я знаю это!.. Они там!.. Я хочу их видеть!..

— Когда вы немного успокоетесь, я скажу вам, что произошло. Но это не то, что вы ждете.

— Значит, они не вернулись?!

Обессиленный старик опустил голову.

— Нет, они не вернулись, — сказал я многозначительно, — но один человек все же явился.

— Явился? Человек?.. С машиной?..

— Да.

— Боже мой! Человек... их посланный?..

— Нет... Выслушайте меня... Вы ждете двух сыновей, не так ли? Ну вот. Один из них здесь... Ромуальдо!

Старик-ученый хотел что-то сказать, но от волнения потерял голос. Он говорил не словами, а глазами, устремляя лихорадочный взгляд то на меня, то на дверь комнаты. Я должен был повиноваться этому безмолвному приказанию.

Ромуальдо только что проснулся, когда я вошел в подвал. Все следы утомления исчезли. Увидев меня, он схватился за широкий короткий меч, приготовясь защищаться или нападать. Но потом, по видимому вспомнив события прошедшей ночи, он пробормотал несколько слов на своем непонятном языке.

Мне все же удалось ему внушить, что сейчас он увидит своего отца. Под лохматыми нахмуренными бровями блеснули огоньки радости.

— Pater... Pater... — повторял он и послушно последовал за мной, держа, однако, наизготовке свой острый меч.

Когда мы вошли в комнату, Баццоли, старик, рыдая, протянул к нему руки. Все еще колеблясь и дичась, Ромуальдо смотрел то на своего отца,

то на обстановку комнаты, которую, казалось, узнавал. Наконец он понял, что это не сон. Глаза его стали влажными, он бросился к изголовью кровати. Отец и сын крепко обнялись. Начавшийся разговор, если это можно назвать разговором, прерывался новыми объятиями.

Мало-помалу Ромуальдо стал вспоминать родной язык. Среди бессвязных фраз попадались итальянские слова, хотя и с глухими окончаниями и странными интонациями. Отец слушал его, почти не вникая в смысл, словно помолодев на десять лет.

Когда первая радость поухлила, Баццоли спросил:

— А твой брат?

Я видел, как великан содрогнулся, с непонятым смущением провел рукой по лбу, и его взгляд стал черным, как агат.

— Умер! — сказал он просто.

Прибытие Ромуальдо принесло отцу столько радости, что смерть второго сына показалась ему чем-то очень далеким, а может быть, горестное известие не дошло до сознания старика.

Он ответил молчанием на мрачное слово «умер».

V

Выполнив свою миссию, я вернул себе свободу, но любопытство мое не было

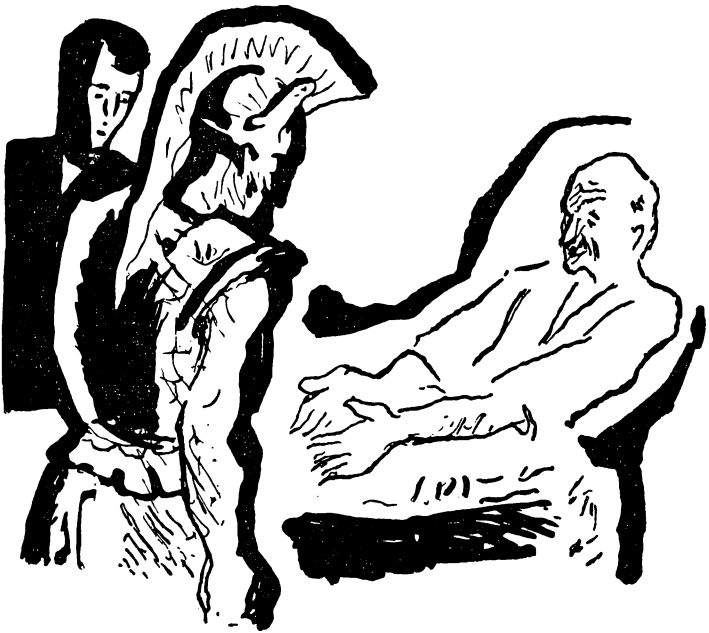
удовлетворено. Мне хотелось, чтобы Ромуальдо рассказал о своих приключениях, и это удерживало меня в доме Баццоли. Ждать, однако, пришлось довольно долго, а попытки расспрашивать ни к чему не привели: Ромуальдо отвечал с трудом и неохотно. Вестник из глубины времен должен был освоиться с теперешней жизнью, уяснить себе ее смысл. Нужно было запастись терпением, пока мысли его не придут в порядок и сознание окончательно не прояснится.

Особенно его затруднял язык, на котором он не говорил около сорока лет. Он напоминал больного, охваченного длительной афазией¹, когда человек, выздоравливая, должен заново обучаться всему, что когда-то знал и умел.

Если бы в то время кто-нибудь со стороны взглянул на Ромуальдо, то счел бы его полнейшим кретином. Незнание самых элементарных вещей, детская наивность, неуклюжие жесты могли бы в этом только уверить.

Однажды я предложил ему прогуляться по Риму. Прохожие оборачивались на громадного детину, которому было явно не по себе в неудобном и тесном сюртуке. Он смотрел на людей глазами дикаря, нежданно-негадан-

¹ А ф а з и я — полная или частичная утрата речи.

но очутившегося в большом городе. Нелепо размахивая руками, Ромуальдо не шел, а скорее бежал по улицам. Он останавливался перед древними памятниками и всему удивлялся, стараясь ориентироваться в непривычной обстановке. Он долго рассматривал Форум и, казалось, что-то припоминал. На лице его было написано, что он узнает знакомые места, сравнивая виденное прежде с тем, что видит сейчас.

Я мог приблизительно представить себе ход его мыслей.

«Итак, — размышлял он, —

я нахожусь в незнакомой стране, и все же, как это ни невероятно, именно здесь я провел свою жизнь. Эти невысокие холмы и лежащие между ними долины хорошо мне знакомы. Если я спущусь по этой улице, то неизбежно выйду к реке...»

Он увлек меня к набережной Тибра, и лицо его озарилось улыбкой, когда он увидел желтые воды.

«Да, — продолжала работать его мысль, — это мой родной город. Я видел когда-то эти памятники, потом они исчезли, и вот они опять на

тех же местах. Но я ведь знаю, что вернулся из путешествия во времени и не должен ничему удивляться. И все же магия моих впечатлений сильнее рассудка...»

В этот момент его слегка задел велосипедист. Испуганно вскрикнув, мой спутник бросился наутек. Едва-едва мне удалось его успокоить.

Вечером во время обеда в комнате больного Ромуальдо держался более уверенно. Прогулка по городу привела в порядок его мысли. Вот тогда-то он и заговорил. Обрывистыми фразами, пропуская забытые слова, он поведал нам необыкновенную историю, которую я постараюсь здесь воспроизвести в несколько исправленном виде.

— Трудно восстановить во всех подробностях историю моей беспокойной жизни, но при каких обстоятельствах я исчез отсюда сорок лет назад, я помню так ясно, словно это было вчера.

В тот злополучный день я гонялся за братом по всем комнатам нашего дома. Он был слабее меня. Устав от неотступного преследования, в поисках защиты он бросился в лабораторию, где обыкновенно работал отец. Там я его и настиг. Дверь была открыта, комната пуста. Проникнув туда впервые в жизни, мы с любопытством разглядывали таинственную комнату,

где целыми днями пропадал отец. Об игре мы больше не думали.

Наше внимание привлекла машина, стоящая посреди комнаты. Сначала мы ходили вокруг да около, потом осмелели и попытались выяснить, что это за вещь. Непонятное сооружение чем-то напоминало карету. Во всяком случае, там было сиденье. Карета в запертой комнате не внушала никаких опасений. Соблазнившись этой новой игрушкой, мы забрались на сиденье и стали осторожно трогать разные рычажки, украшенные перламутровыми кнопками. Не устояв от соблазна, я повернул первую попавшуюся рукоятку. Машина тотчас вздрогнула. Я продолжал игру; брат смеялся...

Вдруг он с ужасом вскрикнул, протянул руки и прижался ко мне. Я выпустил рычажок и поднял удивленные глаза.

Мы были окутаны густым туманом, застилавшим все вокруг. Куда же делись стены лаборатории, библиотека, рабочий стол? Ничего, кроме серой мглы и сознания неправимого несчастья...

Почувствовав себя виноватым, я был вне себя от отчаяния. Мы закрыли лицо руками и, рыдая, звали отца. Сейчас мы умрем — нам это было ясно — умрем из-за непослушания, оттого, что во-

шли в лабораторию, нарушив строжайший запрет!.. Так бывает в сказках, но это произошло в действительности. Мы прочли все молитвы, какие знали, но мрак не рассеивался.

Проходили часы, а может быть, только минуты. И вдруг стало светло как днем. Затем так же быстро опустилась ночь. Не успели мы вскрикнуть от изумления, как снова рассвело и опять стемнело. Свет и тьма беспрестанно чередовались; глаза не могли привыкнуть к этим сменяющимся впечатлениям, к этому непрерывному мельканию дней и ночей. Мы могли лишь заметить, что уже не были в закрытом пространстве. Легкие наполнились прохладным воздухом, чувствовалось веяние ветерка. «Как же так получилось, — спрашивали мы себя, — как могли мы, не сходя с места, выйти из дому?»

Здесь, вспомнив недавно прочитанный роман Уэллса, я перебил рассказчика:

— Вы должны были видеть на небе большие, светлые полукруги.

— Да, мы их видели; и вызванное этим зрелищем любопытство приглушило страх. Мы поняли, что еще не умираем.

Но мы не знали, что это и почему за такие короткие промежутки времени воздух

становился то теплым, то холодным. Брат сказал мне: «Довольно, Ромуальдо, довольно! Остановись! Я хочу вернуться домой!» Я и сам только о том и думал. Но как остановиться? Куда несли нас неведомые силы? Глаза наши ничего не различали, кроме туманных образов. Мы мчались куда-то, и ясно было одно: все эти странные явления были вызваны моим любопытством. Движение началось, когда я нажал рычажок. Вспомнив, какой именно, я повернул его снова. И тогда картина сразу изменилась. Не было больше чередования света и тьмы: все стало серым, непроницаемым, уже ничего нельзя было различить.

Мне опять стало страшно. Прямо передо мной находилась циферблат с двумя стрелками, большой и маленькой, похожими на часовые. Только что я видел, как большая стрелка вращалась медленно; теперь она вращалась в том же направлении, но со страшной скоростью, как сумасшедшая. Можно было заметить и движение маленькой стрелки, которая раньше казалась неподвижной.

Заметив эти изменения, я еще раз повернул рукоятку. Тотчас же возникло непередаваемое в своем великолепии феерическое зрелище. Стремительная смена дней и ночей

постепенно стала замедляться. Мой брат указал мне на Солнце, проходившее свой путь по горизонту при свете дня, и Луну со звездами, пробегавшими по своим траекториям, когда наступала ночь. Мы поняли тогда значение светящихся арок, которые наблюдали за несколько минут до этого: такое впечатление возникло при быстром движении небесных светил.

Здесь было над чем задуматься! Что же могло так изменить весь мир? Дни и ночи, мелькавшие каждую секунду, сменялись теперь по минутам. И все из-за того, что я передвинул какой-то жалкий рычажок! Ничтожная причина — и какие грандиозные последствия!

Новое нажатие рычажка, и время, измеряемое прохождением Солнца по орбите, снова замедлилось! Одно из двух — либо я держал в руках талисман, способный изменять вселенную, либо машина в непостижимом движении опережала время. Задача была слишком трудной для наших детских умов!

Дальнейшие наблюдения связаны с замедлением скорости. Мы очутились в центре какого-то города, на площади, обсаженной деревьями. Но людей не было видно. Вернее сказать, мимо нас пронеслись прозрачные маленькие тени, проскальзывая с такой

быстротой, что мы едва успевали заметить их в виде неясных исчезающих ленточек. Здания, поначалу казавшиеся старыми и вполне законченными, спустя короткое время появлялись перед нами строящимися. Деревья, ветвистые и высокие, постепенно уменьшались, превращаясь в молодую поросль, и затем уходили в землю.

Брат заставил меня внимательно взглянуть на Солнце. Я привык видеть, как оно поднимается с левой стороны и заходит с правой. Теперь оно совершало свой путь в обратном направлении».

При этих словах Баццоли взволнованно приподнялся с подушек:

— Это вполне понятно, — сказал он, — вы шли навстречу времени: машина уносила вас в прошлое.

— Да, но я это сообразил потом. Тогда же это была одна из многих загадок, и я думал только о том, как бы остановить невольное путешествие.

Брат предположил, что, если повернуть рычаг до отказа, можно будет прекратить движение. Я последовал его совету, но доведенный до упора хрустальный рычажок треснул и остался у меня в руке. Скорость не замедлилась.

«Надо покончить с этим!» — простонал брат.

«Да, — согласился я, — но как?»

Рядом со сломанным рычажком было несколько других, которые я еще не опробовал. Какие нас ожидали новые ужасы, какие катаклизмы, если бы мы опять ошиблись?

В отчаянии брат перевел одну из рукояток. Страшный толчок опрокинул нас друг на друга. Стрелки на циферблате замерли. Впервые с начала нашего путешествия мы увидели в просветах листвы неподвижную луну. Была ночь. Машина остановилась...

Можете представить себе, какой нас охватил страх. Затерянные в неведомых лесах, под ночным небом, дрожа от холода, трепеща, когда доносился малейший шум, превращавшийся в нашем воображении в рыканье хищных зверей, мы сидели на высоком дереве, спрятавшись среди ветвей. С наступлением утра наши страхи не развеялись: нас могли заметить и убить разбойники.

Первое, что пришло нам в голову, — укрыть от посторонних глаз эту загадочную машину, с которой, в случае опасности, мы инстинктивно связывали возможность спасения. Изрядно проголодавшись, мы поели немного диких фруктов с плодовых деревьев, которые тут росли в изобилии,

Первая половина дня не принесла ничего утешительного. Около полудня шум в ближайших кустарниках снова поверг нас в ужас. Показалось стадо коз во главе с бородатым пастухом, человеком огромного роста, покрытым козьей шкурой. Он смотрел на нас с удивлением. Мы бросились на землю, умоляя не причинять нам зла.

Но, без сомнения, он был настроен миролюбиво. Подоив одну из своих коз, пастух предложил нам деревянную чашку с молоком. Эта заботливость лишь удвоила наши слезы. Тогда он взял нас на руки и стал о чем-то расспрашивать, подчеркивая ласковыми интонациями свое доброжелательное отношение. Говорил он на незнакомом языке. Вечером пастух сделал нам знак следовать за ним в его хижину. Жил он со своей женой здесь же, в лесу, в нескольких шагах от того места, где мы с ним встречались.

Это были бедные люди, для которых необыкновенное появление двух близнецов служило доказательством нашего божественного происхождения. Мы прожили с ними несколько месяцев, выучившись их языку и помогая по мере сил заботиться о стаде. Мы могли бы и дальше вести простую, здоровую жизнь и чувствовать себя

счастливыми, если б нас не преследовала тоска по дому.

Во всяком случае, мой брат не хотел примириться с несчастьем. Он несколько раз побуждал меня выйти из леса, чтобы осмотреть окрестности. Он был уверен, что родной дом находится где-то рядом — ведь наше странное путешествие продолжалось совсем недолго!

Но я был настроен менее оптимистично. Необычные приключения ошеломили меня. Конечно, я не подозревал, что мы скитались во времени. На смутную догадку меня навели дальнейшие рассуждения. Чередование фее-рических картин, которые мы наблюдали в машине, полнейшее неведение пастушеской четы о городе, который по приметам местности должен был находиться где-то близко, — все это заставляло размышлять.

Однажды, погнав стадо на водопой, мы решили совершить задуманное: оставить наших коз одних пастись у реки и углубиться в лес. Мы брели целый день и только к вечеру вышли на открытое место. То, что мы увидели, заставило нас содрогнуться: на поляне сражались две группы вооруженных людей и с такой яростью рубились мечами, что кровь лилась потоками.

Наше внезапное появление положило конец битве.

Дикие крики воинов мы восприняли как дурное предзнаменование. Солдаты окружили нас и стали совещаться. Несомненно, это приключение закончилось бы нашей гибелью, если бы в ту минуту не выскочил из леса, задыхаясь от бега, наш добрый пастух. Встревоженный нашим отсутствием, он бросился вслед за нами и прибежал как раз вовремя. Умоляюще протянув к солдатам руки, он отважился из любви к приемам на смелую ложь.

«Великодушные воины, — сказал пастух, — остерегитесь поднять руку на законных наследников наших царей. Я, Фаустул, нашел их заблудившимися в лесу».

В эту минуту на опушке леса случайно показалась старая, беззубая волчица и тотчас же убежала, испугавшись шума. Солдаты замолчали и стали смущенно переглядываться.

«Какое странное предзнаменование!» — сказал один из них.

Фаустул воспользовался этим суеверным страхом, чтобы заставить их поверить в свою басню.

«Доблестные воины! — вскричал он. — Почтите священное животное Марса! Когда эти дети блуждали голые по лесу, волчица, которую вы

видели, питала их своим мо-
локом!»

После этих слов все, кто
там был, упали перед нами
ниц.

Ромуальдо сделал паузу.
Я слушал его затаив дыха-
ние. Легенда, знакомая мне
чуть ли не с колыбели, по-
казалась так удивительно по-
хожей на только что услы-
шанное, что я даже вскрик-
нул от удивления.

И тут же, сливаясь с моим
возгласом, раздался другой
болезненный крик. Старик
Баццоли поднялся на кроват-
и бледный, задышающийся
и, протягивая руку к сыну,
прохрипел:

— Несчастный! Ты убил
своего брата Рема!

VI

Грустно вспомнить, что
смерть величайшего в мире
гения была так же мрачна,
как и вся его жизнь. Послед-
ний удар окончательно сра-
зил его. Баццоли умер на дру-
гой день, не сделав ни одно-
го упрека своему сыну —
братоубийце. Мог ли он при-
нять без содрогания Ромуаль-
до, зная, что тот убил Рема?
Мог ли он отнестись с безраз-
личием к преступлению сына,
хоть оно и было совершено
почти за три тысячи лет до
нашего появления?

Да, Ромуальдо, исчезнув из
своего времени, превратился

в Ромула истории, а его отец
Баццоли — ужасный, неверо-
ятный случай! — умер в два-
дцатом веке при известии об
убийстве Рема.

Что же касается меня, то
я не чувствовал никакой не-
приятности к «вестнику из глу-
бины времен» скорее всего
потому, что не мог совместить
в своем сознании этих двух
лиц — персонажа древней
истории с моим современни-
ком. Ромуальдо, этот просто-
душный высоченный здоро-
вяк, слишком не похож на
первого римского царя, ка-
ким я его представляю!

Мое присутствие помогло
ему освоиться в новой обста-
новке. Без меня он не пре-
одолеет бы тех бесчисленных
затруднений, какие возника-
ли перед ним на каждом ша-
гу. И за то, что я так забо-
тился о нем, он рассказал
продолжение своей истории.
Я убедился, что она пол-
ностью совпадает с рассказом
Тита Ливия¹. Но когда в со-
ответствии с преданием я со-
общил Ромуальдо подробнос-
ти его исчезновения—леген-
да гласит, что Ромул исчез
в блеске молний, взятый на
небо богами, — он был нема-
ло удивлен.

— Дело обстояло куда про-
ще, — сказал он, — вернее,

¹ Тит Ливий (59 год до
н. э. — 17 год н. э.) — римский
историк, автор труда «Римская
история от основания города»
в 142 книгах.

все произошло более естественно. За несколько часов перед моим возвращением я председательствовал в большом собрании воинов на Марсовом поле. Уже давно глухая молва возбуждала народ против моего правления, которое считали жестоким. В этот день я понял по некоторым признакам, что моему могуществу приходит конец. Я царствовал слишком долго. Назревало восстание.

И вот небо осветилось молнией, грянул гром и остановил занесенные надо мною мечи. Толпа увидела в этом признаки гнева богов, а я, воспользовавшись замешательством, призвал к общей молитве.

Машину я оставил на том месте, где завершилось когда-то наше путешествие. Когда мы расчищали лес, чтобы строить город, я велел покрыть ее навесом. Нередко я уходил туда поразмыслить о своей странной судьбе. Воспоминания и осторожные опыты, наконец, убедили меня в том, что машина перемещалась во времени. Я робко переводил рычажки, двигаясь то в одном, то в другом направлении, не рискуя далеко забираться. Я заметил, что маленькая стрелка на циферблате замерла в момент остановки на двадцать шестом делении. Отсюда я заключил, что в моей власти

вернуться к тому моменту, откуда началось путешествие, заставив стрелку пройти тот же путь в обратном направлении.

В этот роковой день, когда я чувствовал себя погибшим при виде возбужденной толпы, заполнявшей храмы, я, сделав вид, что хочу помолиться в одиночестве, вошел под укрытие, где находилась машина. Только я один имел право сюда заходить. Мне оставалось только вскочить на сиденье. Как раз в этот момент удар молнии испепелил крышу, под которой я скрывался. Отсюда, несомненно, и создалась легенда. Но я уже успел пустить в ход механизм, улетая от бури и от этого времени с немыслимой скоростью, которую замедлил лишь тогда, когда положение стрелки показало мне, что приближается момент отправления. Остальное вам известно: я чуть не разбился о неожиданное препятствие...

Как все это необычайно! Так немного времени прошло после этих последних событий! Еще так недавно я был царем Рима — Вечного города, построенного мною, Ромулом, как меня называл мой народ! Трудно вообразить, что тысячи лет отделяют нас от эпохи моего царствования... Вы, кажется, говорили, что Нума сделался моим преемником? Это просто невероятно! Я его хорошо знал, этого ма-

ленького льстеца: меч для его руки был слишком тяжел...

И он пробормотал несколько слов на непонятном мне языке, латинском языке первой эпохи существования Рима.

VII

Здесь заканчивается чудесная история человека двадцатого столетия, покинувшего на «машине времени» эпоху, в которой он жил, и очутившегося на лесистых берегах Тибра за семьсот лет до нашей эры. Совершив ряд подвигов, сохранившихся в преданиях, он исчез при блеске молний, чтобы вернуться в рутину современной жизни.

Я постоянно поддерживаю с Ромулом дружеские отно-

шения. Это далеко не гений, каким был его отец. Он ничем не отличается от окружающих людей. Больше того, этот воин древних времен — добрый и мягкий человек, обыкновенный обыватель, неспособный обидеть мухи. Очевидно, нравы зависят от того времени, когда живешь.

Если вы его встретите в Риме, где он продолжает жить, не спрашивайте о его приключениях. Он вам не ответит, усвоив мудрую истину, что лучше молчать, чем говорить. Испытание, выпавшее на долю его отца, который когда-то угодил в сумасшедший дом, — достаточно веская причина, чтобы стараться вести себя вдвойне благоразумно.

